

УДК 82–1:398.2

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ПОЭЗИИ А.И. ТИНЯКОВА

© 2013 г.

Е.А. Казеева

Мордовский госуниверситет им. Н.П. Огарева, Саранск

kazeeva-ea@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.03.2013

Анализируются мифологические образы в поэзии А.И. Тинякова, исследуются выполняемые ими функции. Особое внимание уделяется авторской интерпретации традиционных мифологических сюжетов.

Ключевые слова: А.И. Тиняков (Одинокий), мифологический образ, миф, символ, стихотворение, лирический герой.

Как известно, мифы по праву считаются «важнейшим источником сюжетов и образов во все времена развития искусства» [1, с. 123]. Полагаем, что наиболее полно данная тенденция воплощается на рубеже XIX–XX веков в литературе русского модернизма. Примечательно, что в центре внимания писателей, принадлежавших к этому художественному направлению, оказываются не только прочно вошедшие в отечественную словесность античные и библейские мифы, но и мифы вавилонские, египетские, иранские и другие. Отметим, что мифологические образы часто включают в свои произведения не только «мэтры» модернистской литературы, но и так называемые писатели «второго ряда». К их числу относится А.И. Тиняков (Одинокий), с чьим именем по праву связывается одна из заметных страниц литературы отечественного постсимволизма. В поэтическом наследии Одинокого, состоящем из четырех книг – «*Navis nigra*. Стихи 1906–1912 гг.», «Треугольник. Вторая книга стихов. 1912–1921 гг.», «*Ego sum gui sum*. Третья книга стихов. 1921–1922 гг.», «Весна в подполье. Книга вторая. Стихи 1912–1915 гг.» – и ряда неопубликованных стихотворений, наблюдается активное использование образов, восходящих к мифам различных народов. Предлагаем условно выделить в его поэзии три группы мифологических образов. Первая – образы античной мифологии, преобладающие в дебютной книге стихов «*Navis nigra*». В свете ее концепции, воплощенной в эпиграфе, взятом из Краледворской рукописи: «*Po puti wsei z Vesny po Moranu (Na puti s Vesny i do Morany)*» [2, с. 20], они приобретают аллегорическое звучание, становятся носителями устоявшегося в веках иносказательно-го смысла. Вторая – образы библейской мифо-

логии (иудаистические и христианские) – самые многочисленные в наследии Одинокого. Третья – все остальные образы, заимствованные поэтом из иранской, египетской, скандинавской, славянской и американской мифологии. Сразу оговоримся, что предметом нашего исследования станут вторая и третья группы мифологических образов. В связи с этим отметим, что проблема, обозначенная в заглавии данной статьи, еще не становилась объектом внимания литературоведов. Единственным исключением является наша работа, посвященная исследованию античных образов в книге Одинокого «*Navis nigra*» [3]. Следовательно, вопрос о месте и функциях мифологических образов в поэзии А.И. Тинякова до настоящего времени остается открытым.

Несомненно, библейские образы уже давно стали неотъемлемой частью мировой культуры, чем, на наш взгляд, и объясняется обращение к ним Одинокого. В центре внимания поэта как традиционные ветхозаветные и новозаветные, так и апокрифические сюжеты. Остановимся на некоторых из них подробнее. Так, образ Онана, ставшего героем раннего, не вошедшего ни в одну из книг стихотворения «Онану» (1906) был заимствован А.И. Тиняковым из Книги Бытия. На данное обстоятельство указывает неточный эпиграф к тексту, взятый из Пятикнижия с указанием главы и стиха (XXXVIII, 9–10). Как известно, герой, внук патриарха Иакова, не пожелал стать настоящим мужем вдовы своего брата Фамари: «*Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал семя на землю, чтобы не дать семени брату своему*» (Быт. 38, 9) [4]. Бог, считающий подобный поступок преступлением, умерщвляет героя: «*Зло было пред очами Гос-*

пода то, что он делал; и Он умертвил его» (Быт. 38, 10) [4]. Согласно трактовке Одинокого, именно богорец-Онан открывает людям запретные плотские наслаждения, чем и вызывает особый гнев Творца: *«И был он истреблен тираном вечным – Богом / За то, что он восстал, за то, что он посмел / За сказанной чертой, за роковым порогом / Открыть иную даль и путь в Иной Предел!»* [2, с. 242]. Продолжая бодлеровскую традицию, воспринятую через посредство В.Я. Брюсова, А.И. Тиняков в данном стихотворении воспекает красоту порока, вырывающего человека из обыденной, пошлой жизни: *«Он бросил нам намек, что есть краса в гниющих, / Он призракам отдал мечту свою и кровь / И – сделавшись врагом для буднично живущих, / Безумцам передал свой трепет и любовь»* [2, с. 241–242]. В ранних христианских апокрифах присутствует образ Лилит, чьим именем названо стихотворение 1910 года (цикл «Славословия», «*Navis nigra*»). В данном тексте поэт следует малораспространенной мифологической версии, согласно которой эта героиня была первой супругой Адама. После расставания с созданным Творцом человеком Лилит превращается в злого демона, издевающегося над спящими мужчинами. Первые три катрена стихотворения Одинокого описывают мучительное душевное состояние лирического героя, находящегося во власти вождления. В заключительных четверостишиях это сильное чувственное влечение персонифицируется именно в образе Лилит. Внешний облик героини воссоздается поэтом с помощью метафор: *«О, как черны волос твоих змеи! / Ими сердце мое задуши! // И, припав к распаленному чреву / И к туману бесплотных грудей, / Проклянута я прекрасную Еву / И телесных ее дочерей!»* [2, с. 65]. Так, этот мифологический образ в данном тексте становится символом вождления и соблазна. Отметим, что вторую функцию Лилит – демона, убивающего детей, – поэт показывает в стихотворении 1909 года «Мерещится мне мальчик, пугливый и больной...» (цикл «*Moriturus*», «*Navis nigra*»). Эпиграф, предпосланный ему, взят из святочного рассказа Ф.М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1876), вошедшего в «Дневник писателя». Как известно, причиной гибели маленького героя Ф.М. Достоевского стало человеческое равнодушие, в стихотворении же А.И. Тинякова ребенок увядает от переживаемого им процесса полового созревания, сопровождаемого недозволенными плотскими открытиями: *«Ему знакомы тайны отверженных утех <...> И вот увяло тельце, душа в тоске, болит... / О, милый, бедный маль-*

чик! О, страшная Лилит!» [2, с. 51]. Итак, образ Лилит трактуется поэтом двояко: она мучительница зрелого мужчины и убийца подрастающего ребенка.

Важное место в поэзии Одинокого занимает новозаветный образ Иисуса Христа, который является центральным в стихотворениях «Одиночество Христа» (1915), «Долой Христа!» (1922), «Рассказ римского солдата» (1911). Первый текст (цикл «Глухие углы», «Треугольник») представляет собой лирический монолог Богочеловека, вспоминающего роковую ночь в Гефсиманском саду. Автор показывает душевное состояние родоначальника христианства в тот страшный миг, в конечном итоге переросший в вечность. Его доминантами являются скорбь, покорность, слабая надежда и смертельный ужас. А.И. Тиняков акцентирует внимание читателя на том, что Христос был и всегда останется одиноким, принесенную им жертву никогда не оценят равнодушные люди: *«Но ужас новый сердце ранит, / Когда – при зорком свете звезд – / Священник тихо мне протянет / С моим изображеньем крест!»* [2, с. 100]. Отметим, что данное стихотворение вошло в состав цикла «Глухие углы», рисующего образы людей, отвергнутых обществом, – проститутки, нищенки, мальчика из уборной. Эти герои близки самому поэту, сознательно выступающему против лицемерной общественной морали, не способному найти свое место в жизни. Именно данный аспект важен в трактовке тиняковского образа Христа. Другая интерпретация этого библейского образа содержится в стихотворениях «Долой Христа!» («*Ego sum qui sum*») и «Рассказ римского солдата» (неопубликованный цикл «Моя божница»). Одинокий создает или впервые публикует их после Октябрьской революции 1917 года, став сторонником советской власти. Поэтому цель данных текстов – критика религиозных суеверий и утверждение атеистического мировоззрения. Стихотворение «Долой Христа!» представляет собой монолог лирического героя, страстно отрицающего христианское учение. Не случайно портрет Богочеловека представлен здесь в нарочито «сниженном виде»: *«Палестинский пигмей худосочный, / Надоед нам жестоко Христос»* [2, с. 120]. Герой отказывается признавать божественное происхождение Христа, обвиняя его в первую очередь в том, что он лишил людей возможности наслаждаться радостями земной жизни. Библейский персонаж в трактовке Одинокого представлен сумасшедшим, тогда как его убийцы наделяются положительными эпитетами: «мудрый Пилат» и «царственный Ирод». Мерт-

венная душа Иисуса, его безумные речи, оказавшие сильное влияние на душевно неустойчивых людей, по мысли А.И. Тинякова, привели к трагической развязке: *«Все же был им в сознании вырыт / Отвратительный, мерзостный ад»* [2, с. 120]. Последняя строфа стихотворения звучит, как агитационный плакат, призывающий отказаться от христианской религии: *«Но довольно садиста мы читали, / Много крови он выпил, вампир! / Догнивай же в безвестной могиле, – / Без тебя будет радостней Мир!»* [2, с. 120]. В стихотворении «Рассказ римского солдата» повествуется о важнейших событиях Нового Завета – осуждении, смерти и воскресении Иисуса Христа. Примечательно, что они передаются через монолог обыкновенного римского солдата – человека, не принадлежащего к христианской религии и воспринимающего сакральные события с точки зрения обывателя. Данное обстоятельство объясняется тем, что автор, создавая «Рассказ» в период своего увлечения декадентством, рассчитывал эпатировать читателей, но из-за цензурных ограничений так его и не опубликовал. После событий Октябрьской революции А.И. Тиняков, издавая данный текст, находился в русле идеологии новой власти, стремящейся разоблачить христианские ценности [подробно в: 5]. Снижение библейских образов в русле декадентских исканий раннего Одинокого наблюдается и в стихотворении «Пришествие Антихриста» (1906). Автор с помощью высокой лексики восторженно рисует воцарение антипода Христа: *«Увенчанный меркнувшим светом, / Построенный Будущим храм, / Знакомый безумным поэтам / Да их огнекрылым мечтам, / К тебе обращаюсь с приветом, / Тебе вдохновенье отдам!»* [2, с. 214]. Лирический герой приветствует Антихриста как освободителя, призванного избавить человечество от будничной, пошлой реальности. Поэтому явление соперника Христа наполняет ликованием души всех людей, даже далеких от канонического христианства. Таким образом, в своих ранних стихотворениях Одинокий-декадент с помощью библейских образов эпатирует читателя. Тексты, написанные после Октябрьской революции, отражают стремление поэта, вставшего на сторону новой власти, проповедовать атеизм и отрицать нравственные ценности, веками связываемые с христианской религией.

Писатели Серебряного века наряду с библейскими и античными активно включают в свои тексты образы, заимствованные из мифов разных народов. В русле данной традиции развивается и творчество А.И. Тинякова, однако

численность стихотворений, в которых они используются, сравнительно невелика. Большая часть подобных образов сосредоточена в цикле «Славословия» («*Navis nigra*»), открываемом эпитафией, взятым из стихотворения В.Я. Брюсова «Я». Данный программный текст «мэтра» символизма был впервые опубликован в книге «*Tertia vigilia*». Ее третий цикл «Любимцы веков», на наш взгляд, и стал примером для Одинокого. В «Славословиях» содержатся авторские приветствия как одушевленным персонажам – Хлыстовской Богородице, Палачу, ассирийскому царю Тукультипалешарре I, Встречной, так и неодушевленным – могиле, вулканам острова Гаити, городу Реканати. В ряде стихотворений содержатся и традиционные мифологические образы: в текстах прямо или косвенно излагаются сюжеты, известные в истории культуры, или предлагаются вольные их вариации. Так, в сонете «Бушьянкта» (1907), построенном как монолог лирического героя, А.И. Тиняков обращается к образам зороастрийской мифологии – Ормузду и Ариману. Первый из них являлся благим божеством, безначальным творцом, устройтеlem и властителем мира; второй традиционно рассматривался как олицетворение всеобщего зла. Тем не менее стихотворение названо вымышленным именем повелителя видений Бушьянкты, родословная которого восходит к иранским духам зла – дэвам. Уставший от жизни герой отказывается от злых и добрых страстей и отдается во власть одному лишь Бушьянке, выступающему образом-символом спокойствия и, шире, нирваны: *«Любовь, печаль и ужас – словно тени, – / На миг один к душе моей прильнут. // И улетят, не пробудив волненья... / Один Бушьянкта неизменно тут / И – бог видений, – он лишь не виденье!»* [2, с. 63]. Отметим, что образы иранских богов Ормузда и Аримана, скорее всего, заимствованы поэтом из брюсовского стихотворения «Ученый» (1895), герой которого пытается обнаружить истину в единении добра и зла.

В цикле «Славословия» наблюдается особое внимание Одинокого к образам божеств подземного мира. Так, из славянской мифологии поэтом взят образ Морены – богини, связанной с воплощениями смерти, с сезонными обрядами умирания и воскресения природы. Стихотворение «Морена» (1908) открывается эпитафией из Краледворской рукописи: *«Morana iei syraše w nos črni (На покой зовет его Морена)»* [2, с. 64]. В нем лирический герой, измученный жизненными неудачами, призывает это могучее и грозное божество. В тексте делается акцент на выполняемую Мореной функцию смерти: боги-

ня показывается как единственная избавительница, способная освободить отчаявшегося героя от земных страданий: *«Полон боли, нищий, пленный, / Все изжив и разлюбив, / Я зову тебя, Морена... / Я зову тебя, Морена, / Как жених, нетерпелив!»* [2, с. 64]. В одном ряду с Мореной стоит почитаемый ацтеками бог смерти и подземного мира Миктлантекутли, ставший героем одноименного стихотворения 1911 года. Традиционно он изображался в виде скелета или человека с черепом вместо головы, божество обычно сопровождали летучая мышь, паук и сова. В произведении Одинокого американский бог предстает в образе паука, на что указывает подзаголовок «Мировой Паук». В интерпретации поэта Миктлантекутли, воплощающийся в облике паука-вампира, незримо сопровождает человека на протяжении всей его жизни – с момента появления на свет до кончины: *«И – множа гробовые плиты, – / Победу празднует Паук!»* [2, с. 66]. К концу стихотворения усиливаются эсхатологические мотивы: уничтожающий все живое Мировой Паук в конечном итоге станет причиной гибели мира: *«И неизбежный день настанет: / Восторжествует в мире Гад! / Он к Солнцу цупальцы протянет / И в сердце Солнца капнет яд. // Погаснет творческое пламя, / Замрет земной последний вздох – / И восемь лап скрестит над нами / Миктлантекутли – грозный бог!»* [2, с. 66]. Отметим, что образ-символ паука является центральным в поэтическом наследии Одинокого. Паук как воплощение зла, бессмысленности человеческой жизни заставляет читателя вспомнить роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», герой которого Свидригайлов представляет себе вечность в образе закоптелой баньки с пауками. Кроме того, в письме неизвестного лица к И.А. Позднякову указывается на автобиографическую основу этого символа: «Знаю еще, что он (Тиняков – Е.К.) боялся пауков и маленьких детей-ползунков» [6, с. 2].

На фоне мрачных образов богов подземного мира выделяется образ египетской богини неба, любви, веселья, музыки Хатор (Гаторы). Он воплощается в сонете-акrostихе «Нина Петровская» (1911), посвященном Нине Ивановне Петровской – супруге С.А. Соколова, возлюбленной К.Д. Бальмонта, А. Белого, В.Я. Брюсова. Нина Краснова в своем эссе «Одинокий поэт Тиняков» пишет, что «Тиняков завел роман с возлюбленной своего кумира Ниной Петровской, и Брюсов дистанцировался от своего верного раба. Нине Петровской Тиняков посвятил сонет-акrostих в высоком стиле. В этом сонете он обращается к ней на Ты с большой буквы,

как к Женщине с большой буквы, и считает ее воплощением «всещедрой» богини Гаторы, у которой «огнеподобный взор» и в душе которой «всегда звенит волшебный систр», сзывая всех к Ней на праздник поклонения Ей» [7]. Образ Петровской воссоздается в тексте с помощью реалий египетской мифологии: А.И. Тиняков, уподобляя свою любимую Гаторе, подробно перечисляет ее мифологические атрибуты: *«Над пасмурной страной – Ты луч нетленный Гора, / Алтарь любви живой и вечной страсти храм. // Пленительны Твои загадочные очи, / Елеем нежности смиряя волны бурь, / Ты проясняешь в нас заветную лазурь, / Рассветною зарей встаешь над скорбью ночи»* [2, с. 66].

Интерес поэта к скандинавским мифам отразился в стихотворениях «Три девы» (1907–1908; цикл «Моя божница») и «Локи» (1906). Эпиграф к первому из них: *«Оттуда приходят три вешние девы»* [2, с. 253] – взят из прорицания вельвы – первого раздела «Старшей Эдды». Как известно, у древних скандинавов норны – это низшие женские божества, определяющие судьбу человека при его рождении. Стихотворение Одинокого состоит из трех катренов, каждый из которых посвящен отдельной богине; кроме того, они иллюстрируют душевное состояние лирического героя. Он смертельно устал от настоящего, олицетворенного в образе девы Вернанди; опасается тревог завтрашнего дня, являющегося предметом забот девы Скульды. Идеалом для него остается прошлое, воплощенное в образе девы Урды. Кроме того, данная норна трактуется в конечном итоге как человеческая судьба, на которую и уповаet герой: *«К Урде, любимой, и верной, и знающей, / К Урде, хранящей заветы веков, / Я – догорающий, я – умирающий / Робко скрываюсь под темный покров»* [2, с. 253]. Второе стихотворение, в котором А.И. Тиняков экспериментирует с сонетной формой, представляет своеобразно изложенный миф о Рагнареке. Перед нами монолог, вложенный в уста амбивалентного скандинавского божества Локи, выступающего против красоты и добра, которые воплощаются в образе светлого Бальдра. Герой предстает как орудие судьбы, вершащей гибель мира: *«Рукой самой Судьбы я подниму свой молот, / Разрушу им Любви святой иконостас / И погружу весь мир в бездонный мрак и холод!»* [2, с. 242]. Полагая, что циклы «Славословия» и «Моя божница» ориентированы на историко-мифологические циклы «Любимцы веков» и «Правда вечная кумиров» В.Я. Брюсова, бывшего наставником Одинокого. Как и вождь москов-

ского символизма, А.И. Тиняков обращается к мифам различных народов, желая извлечь из них вечные символы: паук становится воплощением мирового зла, Гатора – любви, норны – судьбы и т.д. Однако Одинокий стремился превзойти своего учителя, обращаясь к нарочито экзотичным мифологическим образам – Миктлантекутли, Бушьянкта и т.д.

Итак, мифологические образы – важная часть поэзии А.И. Тинякова, где они выполняют ряд художественных функций. С их помощью Одинокий, во-первых, изображает сложный внутренний мир человека рубежа веков (большинство стихотворений строятся как лирические монологи); во-вторых, в русле исканий декаданса эпатирует читателя либо, следуя социальному заказу, разоблачает традиционные нравственные ценности. В-третьих, поэт обращается к различным мифам, стремясь извлечь из них некие аналогии, вечные символы. Кроме того, мифологические образы у А.И. Тинякова присутствуют на уровне изобразительно-выразительных средств («Любовь-нищенка», «Голгофа. *Октавы*», «Любовь к земле», «Август», «Разлука. *Лирическая поэма*», «В чужом подъезде»).

Список литературы

1. Шелогурова Г. Об интерпретации мифа в литературе русского символизма // Из истории русского реализма конца XIX – начала XX в. / Под ред. А.Г. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 122–135.
2. Тиняков А.И. Стихотворения. Изд. 2-е с испр. и доп. Томск – М.: Водолей, 2002. 416 с.
3. Казеева Е.А. Античность в книге стихов А.И. Тинякова «*Navis nigra*» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1 (2). С. 87–91.
4. Библия. М.: Российское библийское общество, 2001. 1312 с.
5. Казеева Е.А. Евангельский сюжет в трактовке А.И. Тинякова: «Рассказ римского солдата» // Духовная традиция в русской литературе: сб. научн. ст. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2013.
6. Письмо. Неизвестное лицо – И.А. Позднякову. (Воспоминания о Тинякове). 7 февраля 1962 г. // Орловский объединенный государственный литературный музей И.С. Тургенева (ОГЛМТ). Ф. 19. 4855/1 оф.
7. Краснова Н. Одинокий поэт Тиняков. Эссе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krasninar.narod.ru/Krasnova-Tinyakov.htm> (дата обращения 08.04.2013).

MYTHOLOGICAL IMAGES IN A.I. TINYAKOV'S POETIC WORKS

E.A. Kazeeva

The article provides an analysis of mythological images in A.I. Tinyakov's poetry and of the functions they perform. Particular attention is given to the author's interpretation of traditional mythological plots.

Keywords: A.I. Tinyakov (Odinokiy), mythological image, myth, symbol, poem, persona.